

Это не было лестью. Фу Синчэнь справился с английским ещё быстрее, закончив менее чем за час. Как он сам говорил, в Университете Q был приглашённый профессор философии, чьи презентации были полностью на английском. Фу Синчэнь специально посещал его лекции, чтобы понимать материалы, и его английский стал на высшем уровне.

После этого он решал вариант по китайскому языку. Его знания в этой области были чуть слабее, но лишь немного. В конце концов, он был тем, кто слушал лекции иностранного профессора по философии.

Но Фу Синчэнь не стал решать вариант по естественным наукам, несмотря на настойчивые просьбы И Цзялэ. Он перевернул таймер на столе и объяснил:

— С естественными науками у меня не очень. Сейчас решать вариант — это пустая трата сил.

— Попробуй, я уже всё сделал, но набрал только 220 баллов. Хочу посмотреть, насколько мы отличаемся.

Фу Синчэнь потянулся и взял ответы к варианту по китайскому.

— Я не наберу 220.

— Серьёзно?

— Нет.

— Тогда как ты сдашь завтрашний экзамен?

Фу Синчэнь медленно отхлебнул кофе с молоком и спокойно ответил:

— Пока так. До первого пробного экзамена осталось полтора месяца, тогда я и возьму первое место в двух школах.

Когда Фу Синчэнь произнёс это, Тан Сун почувствовал, как красиво выглядит уверенность человека, который знает свои силы.

Тан Сун знал Фу Синчэня не так давно, но он уже успел его полюбить. Если говорить более поэтично, он испытывал к нему одностороннюю симпатию с первого взгляда.

Но на самом деле он считал, что это было связано с тем, что Фу Синчэнь сам по себе был выдающимся человеком, и поэтому привлекал к себе таких людей.

Тан Сун подвинул стул ближе к Фу Синчэню.

— Брат.

— Что?

— Завтра на экзамене я сяду рядом, чтобы получить твою ауру.

— У меня есть способ для последней подготовки, — Фу Синчэнь не знал, какие у Тан Суна оценки. Он редко спрашивал об успехах других, как миллиардер не стал бы спрашивать о доходах. Фу Синчэнь считал это невежливым.

— Какой?

— Вторая часть сонаты для двух фортепиано ре мажор К.448 Моцарта. Она повышает IQ.

Тан Сун засмеялся.

Фу Синчэнь добавил:

— Проверено лично.

Тан Сун засмеялся ещё сильнее.

— Что, ты бросил изучать альфу и занялся IQ?

Фу Синчэнь действительно решил временно отложить вопросы, связанные с феромонами, потому что осознал свои слабости в школьной программе. Сначала он хотел подтянуть оценки.

Тан Сун сидел близко, и его аромат цветов был отчётливо ощутим.

— Твой период восприимчивости ещё не закончился? — тихо спросил Фу Синчэнь.

— Ты всё ещё чувствуешь?

— Немного.

— Сегодня я не принимал лекарства. Брат, тебе нравится запах фиалок?

Они говорили тихо, чтобы не мешать другим. Фу Синчэнь посмотрел на Тан Суна.

— Ты сам его не чувствуешь?

Тан Сун был одет в свободную одежду, и, когда он поднял руку, рукав соскользнул, обнажив запястье цвета нефрита. Он лежал на боку, глядя на Фу Синчэня, и тот снова заметил, как он красив.

Его черты были словно густой ночью, а родинка под глазом — как мазок кисти, собравший в себе всю яркость и свет.

Тан Сун сказал:

— Я имею в виду, разве не странно, что у альфы запах цветов? Кажется, что такие ароматы больше подходят омегам.

— Мне нравится, — Фу Синчэнь не стал признаваться, что в первый раз, почувствовав запах фиалок, он тоже подумал, что это омега, и поэтому решил помочь. — А какой запах омег тебе нравится?

Фу Синчэнь снова достал телефон и открыл заметки. Тан Сун был одним из его объектов наблюдения. Кроме него, Фу Синчэнь спрашивал Лян Иня и И Цзялэ, но только у Тан Суна была пара.

— Это зависит от совместимости. Но я проверял, мой диапазон совместимости — от 117 до 322, и самый подходящий аромат — красное вино.

Фу Синчэнь изучил этот вопрос. Известно 512 видов феромонов, и диапазон совместимости Тан Суна был довольно широким, охватывая почти треть из них. Но почему он не кусал? Неужели ему так не везло, что все омеги попадали в оставшиеся две трети?

Вчера он снова долго изучал материалы и узнал, что период восприимчивости связан с эмоциональным состоянием, но ни одно исследование не могло точно объяснить, почему.

Период восприимчивости — это заболевание, наиболее подверженное влиянию эмоций и настроения, но его лечение ограничивается нейротропными препаратами с успокаивающими и анестезирующими компонентами. Фу Синчэнь задумался: если это связано с эмоциями, то как насчёт дофамина? Или гипоталамуса? Если да, то можно ли разработать препараты, действующие в этом направлении?

К вечеру все разошлись по домам. Вход и выход строго регистрировались, и Фу Синчэнь проводил каждого. Лян Инь перед уходом настойчиво просил Фу Синчэня поцеловать его ручку для удачи, но тот просто вытолкнул его, ограничившись объятием.

Лян Инь, известный отличник из Девятой школы, накануне экзамена тоже начал верить в приметы.

Кто из нас не был отличником? Кто из нас не хотел блеснуть? Но когда рядом Фу Синчэнь, я всегда веду себя скромно.

— Лян Инь

Пробный экзамен оказался сложнее, чем ожидалось, но Тан Сун считал, что Моцарт помог. Он чувствовал себя уверенно и после экзамена отправился гулять с Бай Шу. Она взяла выходной, потому что сегодня был её день рождения. Днём они пошли в парк развлечений — девушке это нравилось, а вечером устроили вечеринку.

Вечеринка проходила в баре Тан Чунмина. Старый Тан считал, что младший Тан унаследовал его манеры, и с радостью помог организовать всё. Вечеринка получилась на славу, и Тан Сун держал в руке бокал красного вина.

Он хорошо переносил алкоголь, и с тех пор, как узнал, что его самый подходящий аромат — красное вино, пил его чаще. Хотя особых ощущений не было, вино было приятным на вкус, и он предпочитал его из-за совместимости.

Ся У вошёл, держа за руку Фан Цинтин. Они были парой — альфа и омега.

Фан Цинтин была единственной омегой среди лучших учеников Третьей школы, и её результаты были намного стабильнее, чем у Тан Суна.

Фан Цинтин была его подругой детства. Их отцы знали друг друга, и они росли вместе. Но детская дружба не смогла сравниться с внезапной любовью, и Ся У, этот подлый тип, утащил её.

Фан Цинтин называла Тан Суна «маленький Тан», а он её — «маленькая Фан». Ся У обращался к ней как к «дорогая», а к Тан Суну — как к «брату», словно пытаясь завоевать расположение будущего зятя.

— Эй, вы ещё не расстались? — Тан Сун искренне пожелал им счастья.

— Это я должна тебя спросить, ты всё ещё с Бай Шу? — Фан Цинтин бросила подарок Тан Суну в руки. — В прошлом месяце я была на вечеринке твоей бывшей. Ты просто используешь повод, чтобы выпить дядюшкино вино.

Отец Фан Цинтин владел школой боевых искусств, и если бы не то, что она могла разбить несколько деревянных досок ногой, Тан Сун считал, что она могла бы стать одной из его бывших.

Но появился Ся У, и как он смог завоевать Фан Цинтин, оставалось загадкой.

— В следующий раз я обязательно спрошу, когда у тебя день рождения, чтобы успеть на обе вечеринки.

Фан Цинтин была близка с Тан Суном, но ей не нравилась его привычка менять девушек, как перчатки.

— Ты получишь по заслугам.

— Ладно, иди уже. — Тан Сун взъерошил волосы Фан Цинтин и подтолкнул её внутрь.

Из-за молочного чая, который он пил несколько дней назад, на день рождения Бай Шу пришло много людей. Тан Чунмин выделил им третий этаж для вечеринки, подавая только коктейли. Музыка лилась, делая всех ещё красивее.

Когда Тан Сун выкатил торт, луч света упал на него. Он был одет как маленький принц, и его голос был прекрасен. В детстве он занимался вокалом в студии звукозаписи.

Когда он пел «С днём рождения», его низкий голос был завораживающим. Все вокруг подбадривали его.

Хао Доюй присвистнул и сказал Ся У:

— Наш Сун Сун знает, как ухаживать за девушками. То фокусы, то концерт.

Фан Цинтин с отвращением сказала:

— Это просто ужасно.

Тан Сун закончил песню и запел «Твои глаза, как звёзды».

Золотая корона украсила голову девушки, и он тихо сказал:

— Тебе семнадцать, маленькая принцесса. Добро пожаловать в мой мир.

Бай Шу, как ласточка, бросилась в объятия Тан Суна.

Тан Сун был высоким и легко мог поднять её. Он улыбнулся.

— Давай режем торт.

— Ты такой замечательный.

— Кто знает.

Тан Сун обнял Бай Шу и помог ей разрезать торт.

Его подбородок лежал на её голове, и он чувствовал сладкий аромат горного винограда.

Бай Шу сделала несколько надрезов, а потом позволила другим раздать куски. Она взяла свой и, наколов клубнику, поднесла её Тан Суну.

— Кисло. — Тан Сун увел Бай Шу в угол к дивану, обняв её и угощаясь кусочком торта.

— Тан Сун, на следующей неделе у нас каникулы.

<http://bllate.org/book/15568/1385434>